

ВЫСТУПЛЕНИЕ Ю.М. ЛУЖКОВА

**на Международной конференции
«Международное партнерство между нациями»
(Осло, июль 1994 г.)**

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РЫНОЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Мы в России еще с петровских времен всегда внимательно следили и сейчас следим за тем, что о нас говорят и как к нам относятся за рубежом. И мы знаем, что сейчас практически нет мало-мальски серьезного политика, который не интересовался бы тем, что происходит в бывшем СССР и России.

Часть иностранных наблюдателей вместе с нами радуются новым возможностям, открывающимся перед народами бывшей советской империи. Одни искренне хотят помочь утверждению нового образа жизни, другие цинично празднуют и стремятся закрепить победу в холодной войне. Пользуясь трудностями переходного периода, они диктуют нам решения и действия, ослабляющие геополитические позиции России. А кое-кто, помня нашу прежнюю склонность к силовому утверждению идеалов, отличных от тех, которые разделяют победители, попросту боится рецидива прежней «методологии». Тем более что потенциал силы в России пока еще, безусловно, есть.

В последнее время опасения за будущее российских реформ усилились. Как нам кажется, мир увидел в России призраки новых опасных социальных потрясений. Многих испугали драматические события на улицах Москвы в сентябре-октябре. Кого-то обескуражили итоги выборов в Государственную думу. Кто-то с беспокойством изучает возможные сценарии развития событий в ядерной державе при экономической нестабильности и ухудшении жизненного уровня подавляющей части населения.

Рост напряженности в России в конечном счете объясняется тем, что социальная сила тех классов и групп, которым выгодны реформы, не превосходит заметно социальную силу групп, жизненным интересам которых реформы наносят ущерб. Установилось зыбкое равновесие почти равных и достаточно мощных сил.

При этом одна из сторон (на сегодня - реформаторы) имеет лишь небольшое преимущество. Если соотношение сил не изменится, политическое равновесие будет подвержено многим второстепенным, даже субъективным факторам, стабильного развития не будет.

Случай будет играть слишком большую роль. Страшно доверить судьбу такой большой страны, как Россия, случаю. Недавно президент Клинтон во время своей последней поездки в Москву сделал особый акцент на социальных аспектах реформ в России.

Нет сомнений, что Президент искренне руководствовался христианской и общечеловеческой моралью. Его внимание к нуждам россиян заслуживает самых теплых слов. Президент правильно угадал исключительную опасность для судьбы российских реформ крупномасштабных социальных конфликтов. Но на самом деле ни Президент, ни большинство иностранных экспертов не понимают сути социальных проблем нашей страны. Как образно сказал один мой знакомый, до глубины их понять может лишь тот, у кого отец по приговору открытого «судебного» процесса был безвинно расстрелян, у кого мать как член семьи изменника родины в течение восьми лет работала в каменных карьерах и кто всю свою сознательную жизнь должен был во всех своих анкетах писать, что он сын врага народа со всеми вытекающими последствиями.

Прежде всего, поговорим о количественной и качественной сторонах социального расслоения нашего общества. Какой процент населения, например, в США может быть по праву отнесен к числу субъектов социального попечительства? Сколько их? Кто эти люди? Ответ в значительной мере зависит от выбранного критерия.

Если оценка дается на стадии выделения бюджетных средств на компанию по борьбе с бедностью, цифра может дойти до 20%. Если руководитель страны отчитывается о результатах

своего правления, цифра, как правило, ниже. В любом случае в развитых странах речь идет о явном меньшинстве населения. Как справедливо отметил Маркс, этим людям нечего терять, поэтому социальная сила их довольно высока. В разумно устроенных странах за счет социальной поддержки бедных ее удается ослабить до безопасных пределов.

В нашей стране ситуация сейчас коренным образом другая. Среднемесячный душевой доход 90% населения не превосходит 80 долл. США, тогда как цены на основные продукты питания в России стремительно приближаются к мировому уровню. В то же время среднемесячный доход 5% населения превосходит 3 тыс. долл. США. Такое распределение национального дохода и богатства не может существовать в свободной стране. Длительно, его можно удержать только силой. Это расслоение буквально, держит страну за горло. Именно из-за него на российском рынке формируется структура спроса, при которой максимальные доходы получаются при росте цен и сокращении объемов производства и продаж. Это и держит высокие внутренние цены. Только для этих пяти процентов приемлем сложившийся биржевой курс доллара к рублю. В России сейчас, по существу, две страны, отгороженные одна от другой «зеленым занавесом» - высоким обменным курсом доллара США. Известно ли вам на Западе, как действовать в такой ситуации? Боюсь, что нет. Стандартные рецепты перераспределения доходов здесь не срабатывают. Даже если бы удалось реализовать полное уравнильное перераспределение, это не подняло бы доход нищей части страны выше 200 долл, в месяц, что не решает задачи.

Теперь о моральной стороне проблемы. Еще меньше понимания сути дела мы встретим у западных экспертов, если попросим их разъяснить, каким образом возникли в России граждане, нуждающиеся в социальной помощи. Мы не берем больных и инвалидов. Их примерно одинаковый процент везде, и они не делают погоды. Но откуда взялась такая большая доля нищих людей в богатой стране?

Причины бедности здоровых, трудоспособных людей в странах «равных возможностей» мы в каких-то случаях можем отнести на счет самих бедняков или их родителей. Мы можем сказать, что они работали недостаточно производительно или не проявили достаточно предусмотрительности, выбрав неперспективную сферу деятельности или не сделав достаточных

страховых запасов. Эта точка зрения отвечает в значительной степени и менталитету нашего народа. Все наши школьники учили басню Крылова «Стрекоза и муравей».

Требовательное, строгое, а иногда и суровое отношение к беднякам в странах свободного рынка основывается на философии благотворности «естественного отбора». С этих позиций нетрудно найти, в чем можно упрекнуть даже нуждающегося старика. И в общем-то такую позицию нельзя однозначно назвать только жестокой, как ни жаль этих людей, мы не сможем опровергнуть тезис о том, что именно угроза возможной бедности заставляет большую часть общества напряженно трудиться и делать сбережения. Полная ликвидация бедности может привести к таким же нежелательным последствиям для общества, как уничтожение волков для оленьих стад. Богатые, как правило, сопереживают беднякам и даже помогают им. Но они делают это совсем не потому, что в чем-то виноваты перед ними. Преимущественную роль здесь играют чисто моральные факторы. Кроме того, оказывая эту помощь, богатые более или менее сознательно ослабляют социальную силу бедняков и содействуют сохранению строя, обеспечившего их богатство.

В российской действительности природа бедности иная. Очень трудно, даже опираясь на самые «дарвинистские» нормы права, доказать благотворность того, что в числе бедняков оказался здоровый, квалифицированный, непьющий человек, бывший равноправный совладелец колоссального российского «общенародного достояния», который всю свою жизнь честно исполнял обязательства перед прежней системой. Как могли возникнуть за два года большие богатства в стране, где производство товаров и услуг падает?

Нам не в чем упрекнуть большинство наших бедняков. Это они или их родители создавали национальное богатство и защищали ее от многочисленных посягательств на протяжении более чем полувека российской истории. Они не давали ясного согласия передать свою долю общенародного достояния в руки ничтожно малой части населения за стоимость двух килограммов колбасы. Те, кто их обогнал, воспользовались распределительными рычагами прежней системы, а не принципами честной, свободной конкуренции. наших бедняков нельзя успокоить легендами о неизбежности преступного характера первоначального накопления капитала. История не знает примеров, когда столь

малое число людей присвоило бы имущество 90% своих сограждан за такой короткий срок. Нарушение принципа священности собственности носит столь вопиющий характер, что, если это святотатство удастся довести до конца, можно твердо предсказать, что возмездие за него в виде виндикации (принудительного возврата утраченной собственности) не заставит себя долго ждать. Российское прошлое убедительно доказывает, что в основу нового государственного устройства очень опасно закладывать узурпацию чужой собственности.

Решение российских социальных проблем не найти за счет подачек бедным. Нужно искать радикальные решения.

Главный принцип решения социальной проблемы России состоит в том, чтобы не посягать на тот доход, который принадлежал народу России до реформ как собственнику ее природохозяйственного комплекса. Этот доход мы можем приватизировать через ваучеры или консолидировать в бюджете для решения общегосударственных задач. Но мы не можем рассматривать приватизацию как дар или как жертву. Новым собственникам государственного имущества по праву принадлежит лишь увеличение дохода от государственной собственности и амортизационные отчисления. Этого можно добиться путем правильного выбора процедур приватизации государственной собственности и созданием стимулирующей налогово-правовой среды.

Конкретные мероприятия, обеспечивающие это, разработаны, и нам совершенно ясно, что в этой ситуации нужно сделать. Проблемы и трения с приватизацией не возникли бы, если бы те, кто делят, не преследовали цели получить что-либо за счет своего участия в дележе, а исходили бы только из интересов народа. Все станет предельно просто, если изначально исходить из персонифицированной концепции «общенародной» собственности. Действительно, если понять, что все наше общество представляло собой единый инвестиционный фонд, сформированный равноправными со-собственниками, каждый из которых имеет естественное право на равную часть имущества, вытекающее из факта рождения в этой стране, проблема не встретит ни теоретических, ни практических затруднений при решении. Открыто воспротивиться такому принципу невозможно. Но если, не оспаривая принцип по существу, за счет создания напря-

женности и путаницы продлить агонию старой системы, за это время можно довольно много перетащить в собственные закрома. Отсюда понятно, почему возникает стремление запутать этот простой вопрос.

Заниматься кропотливой работой по созданию стимулирующей налогово-правовой среды некогда. Все отвлечены беспрецедентной по своим масштабам борьбой за гигантское богатство, которое представляет собой так называемое общенародное достояние, оставшееся в наследство от развитого социализма. Это есть главный корень всех наших проблем, истинная подоплека всех происходящих в стране событий. Она проста и аморальна. Идет безжалостная битва за общенародное достояние России, за ее природно-хозяйственный комплекс, за то, кому он будет принадлежать. Приз в этой борьбе - не менее 100 трлн. долл. Главный противник и главная потенциальная жертва - народы России. Я не хотел бы перечислять всех претендентов на победу. Каждый легко их вычислит, пользуясь уже известным древнеримским принципом *Qui prodest?* («Кому выгодно?»).

Поражение народов России в борьбе за общенародное достояние еще недавно казалось предreshенным. Междоусобные конфликты и политическая борьба надежно отвлекали общество от решения экономических проблем и наведения порядка. Сверхприбыль от эксплуатации природных ресурсов почти полностью оседала у сбытовых организаций. Манипуляции с ваучерами довольно быстро лишали граждан права собственности на бывшее государственное имущество. Земельное лобби уже почти добилось легитимизации частной собственности на землю до введения цивилизованных правил землевладения и установления стимулирующего налогообложения земельной собственности.

В последнее время намечается некоторый сдвиг в пользу народов России. Происходит явная консолидация конструктивных сил. Хищнический экспорт природных ресурсов становится все менее выгодным. Предлагаются и начинают осуществляться меры по возврату народу утраченного им дохода от государственной собственности. Seriously прорабатываются и вот-вот будут приняты разумные правила землевладения.

Помешать (и мешают) этому можно стандартным способом: создавать все новые очаги напряженности, государственные

деятели разных уровней вместо конструктивной работы должны решать межнациональные конфликты, ездить в дальнее и ближнее зарубежье, преодолевать табачные или водочные кризисы, гасить пожары, принимать и обихаживать беженцев, ссориться между собой. А тем временем можно будет все большую часть общенародного достояния затащить к себе в закрома. Мы это понимаем, видим и не должны этого допустить.

Вот как мы понимаем социальные проблемы современной России, и вот какие решения мы называем радикальными. Если не принять мер такого типа, будет воссоздана российская ситуация конца 1916 года с неизбежными последствиями. Тезис о защищенности прав собственности - не соглашение, а великое открытие человечества. Нет ни одного государства, которое добилось бы успеха, нарушая описанные выше и некоторые другие «естественные» (библейские) законы собственности. Люди, которые хотят получить выгоду, нарушая эти принципы, подобны обезьяне, схватившей банан внутри узкогорлого кувшина. Мы должны выйти из этого тупика. Это даст социальную стабильность, без которой обладание собственностью может стать источником больших несчастий. Без социального партнерства российских проблем не решить.

Что может сделать мировое сообщество или, по крайней мере, те политические деятели, которые искренне хотят помочь российским реформам? Я могу дать четыре совета.

Может показаться парадоксальным, но мой первый совет - не вмешиваться слишком в наши внутренние дела. Решение российских проблем придет только из России. Когда западные страны обуславливают свою помощь тем, насколько хорошо мы следуем рекомендациям Международного валютного фонда, делают большую ошибку. И дело не столько в том, что это унижает наше национальное достоинство. Гораздо существеннее то, что следование их советам может быть опасным для них же самих. Как мне кажется, я объяснил это выше достаточно убедительно. Когда лица, принимающие политические решения, приходят к выводу, что Россия отступает от курса реформ, они должны понять, что их мнение основано на иностранном представлении о том, что такое «курс реформ». Не следует забывать: многие у нас подозревают, что «курс реформ» в трактовке МВФ более выгоден западным странам, чем России. Даже если это не искреннее мнение некоторых наших политических

деятелей, а лишь их пропагандистский трюк, все равно он срабатывает как детонатор. Очень негативную реакцию и усиление консервативных сил вызывают действия по ограничению российского экспорта, в том числе вооружений, повышенное внимание к нашим полезным ископаемым, дешевизне наших экологических и трудовых ресурсов. Я думаю, что размещение на российской территории предприятий по переработке и захоронению радиоактивных отходов дало больше голосов консервативным партиям, чем повышение цен на метро.

Из сказанного вытекает мой второй совет: бизнес в России не следует основывать на несовершенстве российского экономического законодательства переходного периода. Такой бизнес не перспективен и не стабилен. Объективно сейчас есть много простых возможностей делать деньги в России, не утруждая себя адекватной поставкой товаров и услуг. Труд зарубежного рабочего сейчас обменивается на труд российского в соотношении 1:10 или даже хуже. Каждый, кто приобрел прямо или косвенно тонну сырой нефти по внутренним ценам, получает премию около 70 долл. Каждый, кто занял российскую землю под свое предприятие, получает в свою собственность разницу налогов на землю в своей и нашей странах. Этот список можно продолжать и продолжать. Не исключено, что именно те, кто осознал эти возможности, всего больше и кричат о необходимости стабильности экономического законодательства. Мы понимаем, что на сегодня Россия почти беззащитна против таких подходов, однако полны решимости положить этому конец. Нам не нужны инвестиции иностранного капитала, которые разоряют страну, и поэтому мы не можем гарантировать стабильность таких правил. Мы считаем полезными только эффективные инвестиции, создающие высокооплачиваемые рабочие места и использующие не наши слабости, а наши сильные стороны.

Мой третий совет: не нужно злоупотреблять победой в холодной войне и слишком принижать значимость российского государства. Давайте представим себе, что произойдет, если министр обороны России Павел Грачев выступит с речью на собрании военных союзников России и сформулирует примерно следующие тезисы.

Россия должна остаться мировой державой, чьи интересы сосредоточены в европейском, азиатском, тихоокеанском и лати-

ноамериканском регионах. Она должна обеспечить достаточный потенциал, чтобы с одинаковой энергией решать все эти четыре задачи. Мы должны подтвердить свое присутствие в Европе и на Кубе, разместив там 100 тыс. военнослужащих. Мы должны оставить за собой право ежегодно пересматривать ситуацию с безопасностью этих регионов, с тем чтобы адаптировать численность военнослужащих к меняющейся обстановке. Мы не должны допускать перераспределения зон влияния России и США и препятствовать любым невыгодным России геополитическим изменениям.

Пусть он также скажет, что Россия намерена сохранить сильный военный и дипломатический потенциал, обеспечивающий возможность односторонних действий, что мы хотим влиять на события в мире в направлениях, соответствующих нашим интересам и ценностям. Когда односторонняя акция им противоречит либо оказывается недостаточно эффективной, мы должны иметь работоспособные альтернативы. В частности, мы можем сделать США и другие страны полноправными участниками таких операций. Мы должны выработать новый российский консенсус по поводу использования силы в международных отношениях.

Не вызовут ли у вас беспокойство такие высказывания? Не послышится ли вам в таком выступлении топот российских солдатских сапог по всему миру? Не удивлюсь, если, услышав такое, кто-то почувствует себя неудобно. Но ведь я привел слегка подправленный пересказ выступлений высокопоставленных государственных деятелей США: генерала Шаликашвили и заместителя госсекретаря Дугласа Беннета. Я совсем немного перефразировал их выступления и поменял местами роль России и США. Из соображений вежливости я не взял примеров из похожих выступлений Президента Клинтона или госсекретаря Кристофера.

Мы понимаем, что истинная подоплека подобных речей - лоббирование продолжения бюджетного финансирования военно-промышленного комплекса. Мы не придаем особого значения таким выступлениям. Это проблема налогоплательщиков США, и пусть они ее решают сами. Но неужели непонятно, что даже ради тактических соображений нельзя произносить таких слов? Неужели непонятно, что это игра с огнем? Геополитическое влияние российского государства уменьшилось вовсе не

из-за того, что мы не можем обеспечить нужную для этого силу. Мы сознательно занялись совсем другими проблемами. Но в России есть люди, которые отлично знают, как в кратчайшие сроки вновь мобилизовать весь военный потенциал страны. Более того, они ничего другого не умеют делать, так же, кстати, как и генерал Шаликашвили. Если неразумными действиями или даже словами мы усилим позиции так называемых патриотических сил, то вокруг идеи защиты страны от подобных опасностей легко сплываються люди тоталитарной идеологии. Все недовольство как рукой снимет. Я знаю российский менталитет и могу заверить вас, что очень многие из тех, кто сейчас выходит с палками на улицы только из-за сознания несправедливости распределения национального богатства, с радостью согласятся нести существенно большие лишения ради реализации изложенной выше гипотетической программы Павла Грачева. И это может случиться очень быстро. Вспомните историю возникновения Третьего рейха или хронологию перебазирования нашей военной промышленности на Урал во время войны 1941—1945 годов.

И наконец, четвертый совет. Нужно с большой осторожностью следовать советам политиков, особенно руководителей крупных государств, слишком антагонистически противопоставляющих интересы своей и других стран. По моему мнению, межгосударственные отношения, и в частности отношения западных стран с Россией, должны строиться на тех же принципах, на каких строятся отношения равноправных экономических субъектов внутри одной страны. Принцип социального партнерства, хорошо зарекомендовавший себя во внутригосударственных отношениях, должен стать основополагающим и в международных делах. Мы уже смогли понять и даже убедиться на практике, что все, проживающие на одной территории, колоссально выигрывают от разумного ограничения индивидуальной свободы ради общего процветания. Нам осталось сделать последний шаг до глобального понимания единства интересов всех людей земли.

Думается, что время, когда можно было рассчитывать на односторонние выгоды в межгосударственных отношениях, уходит в прошлое. Только партнерские отношения откроют новые горизонты для человечества. Земной шар стал настолько тесным, что государства должны взаимодействовать между собой

как добрые соседи, не отказываясь, впрочем, от честной свободной конкуренции лидеров этих стран на поприще служения своим народам. Особенно большой выигрыш получится, если дополнить эту конкуренцию разумными правилами свободного перемещения людей, товаров и капиталов, а также мерами по развитию глобальной экономической и инженерной инфраструктуры. Всеобщая выгода от этого с лихвой перекроет все, что можно получить, обеспечив силовую защиту национальных интересов за счет односторонних действий.